

W в поездке

Город, которому нужно 20 лет

У Саратова есть потенциал, но ему не хватает времени

В этом году официально ему исполняется 435 лет. Но дата его основания весьма условна, а главные события, которые привели к его взрывному росту, относятся к XIX и XX векам. Впрочем, хочется дать ему шанс и в XXI-м.

Текст: Григорий Ревзин

Горгулья на стене Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова

модный W

Один на всех и один за всех в модном доме Dior — и его первая коллекция

W на диване

Зажигательные истории от мастера детектива про тех, кто балуется с огнем

W на фестивале

Если зритель не идет к сцене, то сцена едет к зрителю — где смотреть спектакли летом

познавательный W

160 лет вечного Бега по кругу, или на очередное Безумное чаепитие

4 →

→ 5

→ 6

→ 8

Weekend

Коммерсантъ

10 ИЮЛЯ 2025 № 21

О Саратове хорошо думать, сидя на бетоне подпорной стенки дикого пляжа за Речным вокзалом. Нигде величие России не переживается так остро, как на берегу бескрайней реки, и там же переживаются упущенные возможности. Идеальное место для медитации.

Три года, с 1903-го по 1906-й, губернатором Саратова был Петр Аркадьевич Столыпин, третий премьер-министр России. Несмотря на краткость его пребывания в кресле губернатора, его фигура выступает как олицетворение надежды — на то, что могло бы осуществиться, но нет. И это полностью соответствует духу города.

Саратов мог бы быть тем, что называется великим городом, хотя бы благодаря разнообразным связанным с ним великим людям. Это очень образованный город, в нем очень достойный и заслуженный университет, десяток гражданских и три военных вуза, в нем есть своя великолепная дореволюционная консерватория, в нем прекрасные музеи, театры — редкий российский город располагает таким богатством. Но всего, что почти автоматически следует из такого урбанистического профиля, — высоких доходов, разнообразия занятий, активного населения, общественных движений, ну или, если не сбиваться на урбанистический сленг, то просто яркости и остроты жизни, — в этом городе скорее не наблюдается. Или, может быть, я не почувствовал.

Правильность города определяется краткостью его истории. Формально он основан в 1590 году, и от этой даты отсчитываются все городские юбилеи, но это совсем условная дата. С одной стороны, раньше здесь был один из больших городов Золотой Орды — Укака, как называет его Марко Поло, или Укек, либо Увек, существовавший с начала XIII века до нашествия Тамерлана в 1395-м. Впрочем еще в течение века город как-то доживал. Он находился южнее нынешнего центра, теперь от него осталось Укекское городище на пустыре в Заводском районе.

Где основали город, точнее, крепость в 1590-м, неизвестно — ее пока не нашли. В XVIII веке Москва пытается выстроить здесь форпост в диких землях, но его раз за разом разоряют разбойники и кочевники и сжигают дотла. Даже у Екатерины II, при всем величии ее государственного ума, до самого города не дошли руки — план его застройки составляли уже при Александре, с 1803 по 1810 год, а приняли в 1812-м. И в самом этом плане, как мне кажется, ощущим опыт того существования, который накопился за столетие. Этот город не хочет раскрываться ни на Волгу, ни в окружающие его степи, он хочет замкнуться в себе. Это оплот четкой рациональности в окружающем бескрайнем хаосе.

Екатерина II, однако, сделала самый значимый шаг в истории Саратова: она поселила здесь немецких колонистов. Они принесли сюда другую цивилизацию. →

W в поездке

Главной проблемой форпоста России во «внутренней колонизации» этих мест было отсутствие цивилизованного населения — земледельцев, ремесленников, торговцев. Екатерина решила проблему — население появилось, а помимо немцев она также разрешила свободно селиться на этой территории раскольникам, а потом Александр отправлял сюда же пленных французов после войны 1812 года. Не то чтобы уровень принесенной ими трудовой и хозяйственной культуры, протестантской и староверческой этики был принципиально выше того, что имелся в России. Но он был принципиально выше того, что имелось в волжских степях. Взять хотя бы то, что в Саратове именно немцы стали строить первые каменные дома. Вместо военного форпоста против кочевников и разбойников появился своеобразный фронт.

Саратов не был оккупирован в войну, и его центральная часть сравнительно мало пострадала от бомбежек. Она осталась в значительной части дореволюционной. И в целом здесь легче, чем, скажем, в Новгороде или Пскове, представить, каким был русский провинциальный город XIX века, в котором регулярность планировки дополняется живописным разнообразием застройки.

За исключением нескольких административных зданий эпохи классицизма — присутственных мест, Дворянского собрания, саратовской гимназии, где преподавал Чернышевский, весьма достойных, но и не особенно выдающихся, это был город частных одно- или двухэтажных домов, каменных и деревянных, поставленных с разрывами, в которых проглядывают дворы с садами и сараями. Сегодня эта немного пыльная идиллия тут и там разрушена вживленными в ткань города советскими коробками 1960–1970-х. Но так везде: что в Ярославле, что в арбатских переулках в Москве.

Отличие саратовских видов от традиционного русского городского пейзажа, пожалуй, — в отсутствии многочисленных церквей и колоколен, которые обычно высятся над домами: сказывается более или менее бесследно проведенный XVIII век.

В царствование Александра II, начиная с середины 1860-х, Саратов вдруг принялся стремительно меняться и превращаться в нечто принципиально иное: стартовавшая веком ранее колонизация Поволжья начала давать свои плоды. Так на волжской торговле, море хлеба, рыбы, товаров из Персии и Китая и умении немецкого населения с ними обращаться за 50 лет вырос богатый, преуспевающий город.

Четыре особенности делают его сегодня уникальным. Первая — это мукомольные мельницы: готическая братьев Шмидт, романская Эммануила Бореля, самая высокая в городе — Степашкина, мельницы Богословского, Рейнеке, Скворцова. Это большие заводы, работавшие сплошь по немецкой технологии и на немецком оборудовании, с вертикальным расположением технологической линии, что требовало строительства высотных зданий — от пяти этажей и больше. Все они стояли вдоль берега Волги, как раз в той зоне «пилы», которая образовалась из-за углового расположения кварталов.

Такие мельницы есть и в Самаре, и в Нижнем Новгороде, и в Кинешме, но в Саратове они едва ли не самые выразительные. Все они признаны объектами архитектурного наследия, все давно не работают и медленно превращаются в руины — нет ни одного примера приспособления зданий под другую функцию. Саратов не знает, что с ними делать. Они стоят вдоль Волги, будто ряд готических соборов или призраков исчезнувшей цивилизации.

Вторая особенность Саратова — это доходные дома. Во второй половине XIX — начале XX века центральная часть Саратова преобразуется, вместо архитектуры русского провинциального города появляется столичная буржуазная застройка.

Как записывает в воспоминаниях юрист Иван Славин, «по правую сторону от коммерческого Саратова (если стоять лицом к Волге), за Ново-Соборной площадью по направлению к Ильинской и Митрофановской площадям, представлявшим в первой половине XIX века пустынную окраину, была расположена часть города, имевшая колорит, совершенно отличный от старого Саратова. Это — Сен-Жермен города. Здесь по Константиновской, Александровской, Аничковской, Дворянской и другим улицам проживало по преимуществу

„благородное“ сословие, чуждое всяким шумным и хлопотливым торжищам и базарной суете. Здесь обитало дворянство и чиновничество, аристократия, свысока взиравшая на изнывающего в коммерческих хлопотах купца». Центром всего этого богатства стала Немецкая улица. Здесь появляются доходные дома и гостиницы, некоторые из них, скажем, дом Арсения Ананьина в стиле модерн (1913, Мечислав Пульман), барочный дом Исаака Левковича (1907, Юрий Терликов), дом Андрея Бендера (1913, Владимир Карпенко), гостиница «Астория» (1914, Семен Каллистратов) — великолепны по архитектуре. Этих домов несколько десятков, все не перечислишь, и они формируют образ того, что называлось «столица Поволжья».

Не только архитектура, но сама типология — многоэтажный доходный дом — свидетельствует о развитом буржуазном городе, где недвижимость стала частью сложной рыночной экономики. Кроме Петербурга и Москвы мало русских городов «доросло» до доходных домов, дворяне, купцы, мещане и ремесленники таких не строят, все останавливается на городских усадьбах и особняках. Здесь же их целый город. Эта часть Саратова скорее напоминает уже Москву вокруг Кузнецкого моста, а не Мещанские улицы.

Третья особенность — саратовские купеческие особняки, и это опять же несколько десятков зданий. Неко-

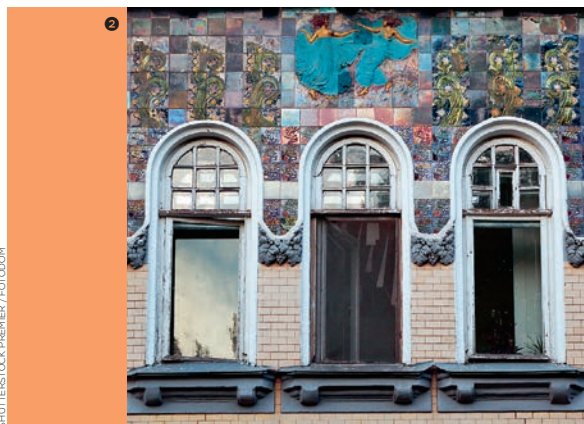
торые из них — шедевры, которые достойны украсить любую историю архитектуры. Здесь великолепный по качеству модерн. Главный памятник — это особняк Константина Рейнеке (1909), который приписывается Федору Шехтелю. Он украшен майоликовым фризом, что для России невероятная роскошь. Но не меньшее впечатление производят особняки Эммануила Бореля (1901, Петр Зыбин), Ивана Шмидта (1912, Капитолий Дулин), Александра Скворцова (предположительно 1906-й, архитектор неизвестен). Эти особняки сделали бы честь и Москве, и Вене, и Брюсселю.

Ну и наконец, четвертая интересная черта Саратова — общественные здания. В городе в конце XIX века вырастают все достижения современной городской цивилизации: основанный Алексеем Боголюбовым художественный музей — один из первых в России и богатейший по коллекции (1885, Иван Штром), Театр оперы и балета (1865, Алексей Салько), консерватория (1902, Александр Ягн), Народная аудитория (1899, Николай Проскурнин), детская больница Дарьи Поздеевой (1901, Владимир Владыкин), психиатрическая больница (1910, Владимир Карпенко). Все это закономерно заканчивается основанием и строительством университета (1915, Карл Мюфке). Квартал университета уже совсем трудно соотнести с русским провинциальным городом, это Петербург или Берлин, очень строгий, величественный и отчасти автономный архитектурный ансамбль, университетский городок. Здесь становится понятно: «Дайте Государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!»

Легко представить себе, как развивался бы этот город, если бы эти 20 лет спокойствия были ему дарованы. Это был бы русский Чикаго, он бы украсился небоскребами, саратовская архитектурная школа прославилась бы на весь мир... W

1 Дом книги в стиле ар-деко, 1937

2 Окна на фасаде особняка Константина Рейнеке, 1909

3 Памятник Петру Столыпину, 2002

МИХАИЛ ЛУКИН
ШЕФ-РЕДАКТОР
АО «КОММЕРСАНТЪ»
ВАСИЛИЙ БИРЮКОВ
АРТ-ДИРЕКТОР

АННА ЧЕРНИКОВА
ИЗДАТЕЛЬ
ОЛЕСЯ РЕПКИНА
И.О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
МАРИЯ ГОТУНОВА
УПРАВЛЯЮЩИЙ РЕДАКТОР

ТАТЬЯНА КРАВЦОВА
ДИЗАЙНЕР
МАРИЯ ЛОБАНОВА
БИЛЬД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО
ФОТОРЕДАКТОР

ЕЛЕНА СТАФЬЕВА
СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
УЛЬЯНА ВОЛХОВА
РЕСЕЧЕР

ЕЛЕНА ВОЙНАЛОВИЧ
СЕРГЕЙ ШАПОВАЛОВ
КОРРЕКТОРЫ

СЕРГЕЙ КИРШИН
СВЕТЛАНА ЗАЙКИНА
ВЕРСТКА

РЕКЛАМНАЯ СЛУЖБА:
ПОЛИНА ПРАНЕВСКАЯ;
E-MAIL:
PRANEVSKAYA@KOMMERSANT.RU

ОТДЕЛ РАЗМЕЩЕНИЯ:
НАТАЛЬЯ ЧУПАХИНА;
E-MAIL:
CHUPAHINA@KOMMERSANT.RU
ТЕЛ.: +7 495 797 6970 д. 2772

Рок-съезд:
ТОЛЬКО ДЛЯ друзей!

Коммерсантъ 35 лет

18+

Реклама

Благодарим партнеров Коммерсантъ на ПМЭФ-2025 —
банк НОВИКОМ, VOYAH, RUTUBE

 НОВИКОМ
АО АКБ «НОВИКОМБАНК»

 VOYAH

RUTUBE

модный W

Смена мемов

О чем первая коллекция Джонатана Андерсона в Dior

Ее можно рассматривать как его манифест на новом месте и как манифест новой эпохи Dior вообще.

Текст: Елена Стафьева

Но сначала о том, чего действительно прежде никогда не бывало. Об исторической смене двух дизайнеров Dior на одного Джонатана Андерсона. Мужские и женские коллекции Christian Dior всегда делались под разным художественным руководством, и вот теперь все они — мужские, prêt-à-porter, haute couture — отданы ему. А это значит восемь коллекций в год, учитывая межсезонные, — примерно столько делал только Лагерфельд, но ему не нужно было переключаться с женского на мужское. И сверх того, у Андерсона вроде бы остается еще и его собственный бренд JW Anderson — то есть коллекций будет десять, а это уже прямо какой-то подвиг Геракла. И получил он все это в 40 лет, то есть будучи по меркам индустрии все еще молодым дизайнером.

Обстоятельства сложились так, что его первой коллекцией в доме Christian Dior стала мужская, сезона весна-лето 2026. Но прежде чем разбираться в сути нового Dior, я бы хотела вспомнить, как в 2018 году стала участницей разговора, произошедшего за большим ужином с интернациональной прессой и посвященного вопросу, кто бы мог заменить Лагерфельда. Все тогда пришли к выводу, что в молодом поколении есть только один дизайнер, который может стабильно работать без жалоб и срывов, и, главное, делать коллекции достаточно эффектные, но понятные всем, и это Джонатан Андерсон — но он уже работает у Бернара Арно. Что ж, прошло семь лет, и он по-прежнему работает у Арно, но действительно стал в некотором роде новым Лагерфельдом.

Тогда все это обсуждалось в связи с назначением Эди Слимана в Celine, и этот факт тоже оказался связан с новым поворотом в биографии Андерсона. Потому что именно Слиман придумал принцип, положенный Андерсоном в основание нового Dior. Это «принцип гардероба» или «дорогой Зары».

Оригинальный дизайн не имеет значения — совершенно не требуется, чтобы каждая вещь в коллекции выглядела ново, отдельные детали гардероба вообще не важны. Важно то, насколько эти вещи понятны и воспринимаются аудиторией как свои — их собственные или их друзей и знакомых. Насколько их привычно и удобно повесить в свою гардеробную рядом с другими вещами и не ломать себе голову, как и с чем это все носить. Важно, как вещи собраны в пространстве нескольких повторяющихся и похожих друг на друга коллекций.

Вся работа модельера с силуэтом, пропорциями и объемами, вообще

с формой, не имеет значения. Принципиальна работа стилиста — компоновка аутфитов, соединение отдельных предметов друг с другом и с определенным типом внешности. В какой-то момент — те же восемь-десять лет назад — этот принцип определял в моде все. Потом от него все устали и захотели эксцентричности. Помните, еще сезон-другой назад Андерсон был главным «сюрреалистом» и делал какие-то платья-люстры и топы, заколотые огромными иголками? И вот теперь принцип гардероба триумфально возвращается.

Собственно, в этом главное отличие Андерсона от его предшественника в Dior. Ким Джонс был еще из того,

прежнего типа дизайнеров, которые мыслили в категориях новых форм, силуэтов, концептов. Он предлагал новую эстетику, новые пропорции, даже новый тип мужчины. Он создавал коллекции, как если бы писал стихотворение или, например, сонату. Не в смысле «ах, как это прекрасно!» (хотя это было прекрасно), а в самом профессиональном, даже техническом смысле — смена привычного контекста выбранных вещей и их сочетаний, «сопряжение далековатых идей», по выражению Михаила Ломоносова, для создания новых смыслов. Андерсон же сделал свою первую в Dior коллекцию как стилист. И наряды

из текущей летней коллекции, выполненной еще Джонсом, выглядели на тех, кто надел их на показ, этаким анахронизмом.

Она почти целиком состоит из знакомых вещей, которые мы уже много раз видели — на улице, в сериале по Джейн Остен, в винтажном магазине и вообще просто в магазине, практически любом, — по этому поводу в рецензиях даже всплыло почти забытое слово «нормкор». Андерсон выбирает вполне определенный исторический период (короткие шелковые жилеты, бархатные фраки, белые шелковые шарфы, широкие плащ-кейпы — привет, первые денди эпохи Регентства), добавляет винтажа из современных чарити-шопов. Как и у Слимана, тут нет никаких лишних объемов, силуэт не совсем, но достаточно узкий и вытянутый. Но, в отличие от Слимана, чьи коллекции выгляде-

ли как винтаж, исполненный в современных материалах, у Андерсона есть и нечто фантазийное. Это архивы Кристиана Диора. Он использует в качестве референсов три диоровских платья — Caprice, Cigale и Delft, и делает мужскую версию классического жакета Bar. И он, конечно, хорошо понимает силу соцсетей, а потому придумывает абсолютно мемный аксессуар — высокие воротники с галстуком, как у Колина Ферта в «Гордости и предубеждении». В общем, Андерсон делает смелый разворот — и, кажется, вполне ко времени.

Это как повесить два маленьких (но настоящих!) Шардена вместо того, чтобы соорудить современную арт-инсталляцию для шоу, — этим своим жестом Андерсон говорит нам, что эпоха фэшн-феерий Dior прошла. Наступила эпоха новых героев, которые не хотят быть ни особенно cool, ни особенно fun, а хотят чего-то понятного, легко носимого, с гомеопатической дозой безобидной иронии на тему старого, в том числе денег, и нового (сестра Джеки Кеннеди Ли Радзивилл и Баския смотрят на нас с рекламных постеров). А со всем остальным пусть разбирается искусственный интеллект. W

W на диване

Диагнозы не горят

Криминальная драма «Дым» вышла на Apple TV+

Новый детективный сериал видного сценариста Денниса Лихейна рассказывает о том, как полиция ловит пироманов. Вместо задумчивой психодрамы именитый детективщик выдал эксцентричное фрик-шоу с заходом в трагикомедию.

Текст: Татьяна Алешичева

Пожарный Дейв Гудсен (Тэрон Эджертон) едва не сгорел на работе — чудом спасся, метнувшись из огня по знаку коллеги, который оказался его собственным отражением в зеркале, а через секунду крыша пылающего здания обрушилась. После такой передраги Гудсен стал следователем по поджогам, который знает о пожарах все и вынашивает идею романа о серийном пиромане. Вот только роман не клеится, а настоящих поджигателей в городе орудует уже двое, и Гудсен никак не может их поймать. Ему в помощь присылают напарницу — боевитую девицу Мишель Кальдерон (Джерни Смоллетт), она бывший морпех с быстрой реакцией и тяжелой рукой, хотя опыта в сыске у нее мало. Теперь уже они оба не могут поймать серийников, хотя очень стараются.

А между тем про поджигателей многое известно. Первый, по прозвищу РВ, или Разделяй и властвуй, вначале устраивает мелкие поджоги для отвода глаз, чтобы сманить туда пожарных, а потом основательно поджигает какой-нибудь большой универмаг, подкладывая устройства для возгорания в пачки с чипсами. У второго прозвище Молочник — он поджигает исключительно частные дома, помещая под порог молочные канистры с горючей смесью. Молочника, кстати, Гудсен почти вычислил: тот поджигает, будто мстя за что-то судьбе, только жилища счастливых людей — молодоженов, например.

В эпоху длинных сериалов в нулевые бытовала шуточная присказка: для того чтобы понять, что сериал хороший, надо потерпеть пару сезонов. В случае с «Дымом» нужно потерпеть всего-то две серии. Поначалу кажется, что это типичный продукт Денниса Лихейна — надушенный детектив с классической психодрамой в основе, этакая Достоевщина, где душевные метания героев важнее детективной разгадки. Такова

репутация Лихейна — он создает сценарный «тяжелый люкс»: «Остров проклятых» Мартина Скорсезе, «Таинственная река» Клинта Иствуда, фильмы из бостонского цикла Бена Аффлека — все это дело рук Лихейна. В основе его историй все время такая «Калина красная» — драма мужика, который не жилец на этом свете, потому что бытие его отторгает, а он все тжится что-то предпринять и зажить нормально, но не судьба.

В начальных эпизодах «Дым» тоже кажется такой вот типичной литературой травмы. Здесь у каждого героя травма на травме и травмой погоняет: у Гудсена — давешнее чудесное спасение, у Кальдерон и того круче — мать-наркоманка в детстве заперла ее в гостиничном номере, который подожгла, так что теперь у нее свои отношения с огнем. Но неожиданный финал второго эпизода переворачивает действие с ног на голову, и шаблонная история напарников, которые ловят преступников, превращается в эксцентричный данс-макабр, сумасшедшую пляску людей не от мира сего, чьих травм травма совершенно не придавила. Полицейский психолог хочет выдавить из офицера Кальдерон жалобы и долгое нытье на кушетке о том, сколько переживаний ей доставила необходимость стрелять в преступника, но добивается только фразы: «Работа такая».

Свершилось: инфантильные истории о людях, которые постоянно копаются в давних кошмарах и подчинили им всю последующую жизнь, кажется, надоели самому Лихейну, и он сделал залихватский сериал в духе М. Найта Шьямалана — с резкими сюжетными твистами и героями,

которые вроде и слоняются поначалу с кислой миной и тяжелой думой на челе, но потом вдруг оживают и начинают выписывать такие коленца, что мама не горюй. Это, кстати, вовсе не означает, что они нормальные.

В 2022-м Лихейн сделал основанный на реальных событиях сериал «Черная птица» с тем же Эджертоном в главной роли, где повествование всю дорогу вглядывалось в душу монстра-серийника (или что у него там вместо души?) и копалось в его детских переживаниях. В «Дыме», основанном на true-crime-подкасте, оба пиромана — а мы довольно скоро знакомимся с ними —

выглядят не серьезными и значительными Достоевскими персонажами с тягой к катарсису, а почти карикатурными фриками, которые просто слетели с катушек: один тупо всех ненавидит, другой безобразно куражится. Тут не в чем копаться, диагноз ясен — надо без всякого вглядывания в душу просто ловить их и сажать на цепь. И ловец должен отбросить всякую рефлексию, как умеет прошедшая через горячие точки Кальдерон. W

Расширенные версии материалов Weekend, больше иллюстраций и текстов — на странице издания www.myweekend.ru

в Telegram каждый день Weekend

W на фестивале

Летние чтения

Дайджест театральных фестивалей

Напрячься от прогноза погоды и расслабиться на свежем воздухе, закрыть зонт и открыть для себя новые жанры, оказаться на Западе благодаря Востоку. Впереди полтора месяца, чтобы заниматься театральным туризмом и эскапизмом.
Текст: Марина Шимадина

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ФЕСТИВАЛЯ

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ФЕСТИВАЛЯ

3

4

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ФЕСТИВАЛЯ

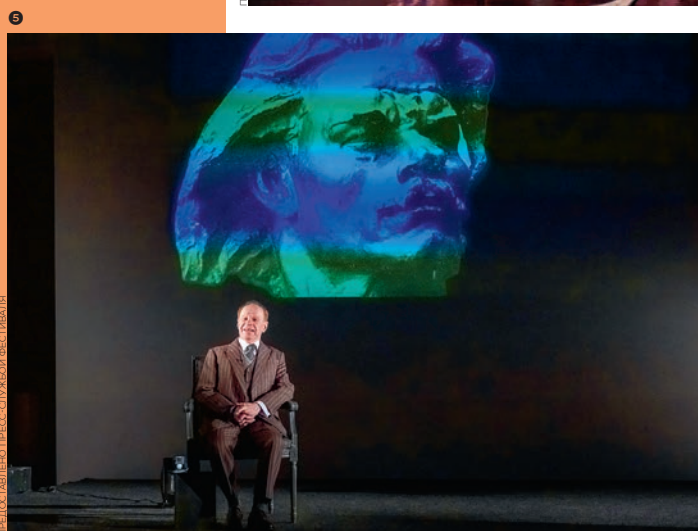
Фестиваль уличных театров «Елагин парк»

Санкт-Петербург, Елагин остров
18–20 июля

Самый летний и жизнерадостный фестиваль под открытым небом проходит в красивейшем парке на Елагином острове и каждый год привлекает десятки уличных театров. Это безумный карнавал, где показы идут весь день практически нон-стоп сразу на десяти площадках. В обширной программе соседствуют самые разные виды и формы зрелищ — от сиюминутных коротких импровизаций до масштабных театральных полотен. Это спектакли для семейного просмотра, экспериментальные пластические постановки, музыкальные променады и шоу гигантских марионеток, пантомима и клоунада. Праздник традиционно открывает театрализованное шествие от станции «Крестовский остров» до Масляного луга в ЦПКиО имени Кирова, где проходит большинство представлений. Тема этого года — «Как стать счастливым?» Сдается, артисты именно этого жанра лучше всех знают ответ.

1
Фестиваль уличных театров «Елагин парк». Санкт-Петербург

2
XVII Международный театральный фестиваль им. А.П. Чехова. Москва

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ФЕСТИВАЛЯ

XVII Международный театральный фестиваль им. А.П. Чехова

Москва
До 25 июля

Чеховский фестиваль и раньше, при его основателе Валерии Шадрине, тяготел к восточной экзотике, а сейчас, как и многие другие международные смотры, целиком переориентировался на Азию. Теперь вместо работ знаковых европейских режиссеров нам привозят китайский танец и иранский театр кукол. Советовать тут что-то сложно — можно полагаться только на свое чутье и зрительское любопытство. До конца фестиваля в программе «Мировая серия» еще можно увидеть бразильскую постановку «Брас Кубас» по культовому роману Машаду де Ассиса, саундразу из Казахстана «Мамлюк. Султан Бейбарыс» с этническими инструментами и элементами боевых искусств, шоу звезды афросоула Симфиве Даны из ЮАР, балет «Тысяча и одна ночь» из Ливана и шекспировскую «Меру за меру» из Аргентины в жанре буффонады.

Фестиваль представит и собственную премьеру в копродукции с армянским театром «Амазгаин» имени Соса Саркисяна — спектакль «Пенелопа» в постановке французского режиссера армянского происхождения Симона Абкаряна.

3
Фестиваль «Театральный бульвар». Москва

4 5
Фестиваль искусств «Горький +». Москва

6
Фестиваль премьер «Сенокос». Суздаль

VIII Международный фестиваль искусств «Вдохновение»

Москва, ВДНХ
23–27 июля

Уже традиционный фестиваль искусств на ВДНХ объединит четыре направления — театр, музыку, танец и инсталляцию, которые в этом году курируют режиссер Евгений Писарев, актриса Сати Спивакова, хореограф Егор Дружинин и художница Катя Бочавар. В международной программе акцент тоже ожидаемо сместился на Восток — будут спектакли из Индии, Китая, Турции, Ирана, Армении, но также из Греции, Италии и Португалии. Важной частью афиши станет «Ночь одноактных балетов» с участием хореографов из Кубы и Египта, и впервые «Вдохновение» выпустит свой танцевальный спектакль совместно с каирским фестивалем современного искусства D-SAF. В российской программе, в частности, покажут «Вакханок» Юрия Муравицкого и «Красный фонарь» Дмитрия Крестьянкина из Петербурга.

Но самое интересное — это новые работы в жанре сайт-специфик, осмысляющие «гений места»: аудиопроjekt «Опера статуй», посвященный скульптурам с павильонов и фонтанов ВДНХ, спектакль-променад «ВДНХ: Люди. События. Время» по подлинным воспоминаниям москвичей, а также инсталляции современных художников на тему витальности и природы в городе.

Фестиваль премьер «Сенокос»

Суздаль
1–3 августа

Фестиваль «Сенокос», придуманный креативным центром МИРА, не привозит в Суздаль готовые спектакли, а сам создает новые. В прошлом году тут праздновали тысячелетие города и размышляли о его истории, а в этом будут заново изобретать современность, исследовать себя и окружающее пространство вместе с суздальцами. В программе четыре премьеры: «Язык суздальский» — ритуал-квест Анны Лифиренко о древнем офенском языке, который превратился в фею, то есть блатной жаргон; «Горизонт снов» — спектакль Карины Бесолти по пьесе Рината Ташимова о том, что снилось суздальцам на протяжении тысячелетия; «Список Паперной» — застолье с Борисом Павловичем, воссоздающее посиделки и музыкальные вечера обэриутов; «Зерна» Дмитрия Крестьянкина — спектакль-прогулка по селу Кидекша с историями местных жителей и посадкой деревьев. Показы спектаклей проходят не только в Суздале, но и в его окрестностях — в уникальном здании ГЭС на Нерли и в сельском театре в Фомихе. Так что бонусом и услугой для глаз горожан будут прекрасные владимирские пейзажи.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ФЕСТИВАЛЯ

Фестиваль искусств «Горький +»

Москва
27–31 августа

Четвертый фестиваль искусств, посвященный Максиму Горькому, в этом году снова проходит в трех городах, связанных с биографией «буревестника революции»: Казани, Москве и Нижнем Новгороде. В нем принимают участие Театр наций, театры «Кукольный формат», «Старый дом», ТЮЗ имени Брянцева, «Эскизы в пространстве», театральная компания НЕМХАТ, «Провинциальные танцы» и другие. Часть проектов создается специально для фестиваля. В Москве это будут музыкальный перформанс «Горький и современники» Алексея Франдетти, спектакль «Горький. Любовь» Филиппа Гуревича и экопроменад «Горький о природе» Евгения Маленчева.

Также фестиваль повторит хиты прошлых сезонов: спектакли-концерты с участием Евгения Миронова и Ольги Остроумовой, цирковое шоу «ГорькийЛэнд», постановку для малышей «Каждый шорох» и моноспектакль Авангарда Леонтьева «Наше все... Максим Горький. Детство».

Большая часть событий бесплатна и доступна по регистрации.

Фестиваль «Театральный бульвар»

Москва
До 31 августа

Организованный столичным депкультот уличный фестиваль проходит всего второй раз, но уже значительно расширил свою географию и временные рамки. Теперь он растянется на все лето, а принимать в нем участие будут театры не только из Москвы, но и из других городов — Петербурга, Воронежа, Омска, Калининграда и даже Южно-Сахалинска. Спектакли, концерты, встречи, мастер-классы для детей и взрослых проходят на 14 открытых площадках: на Чистопрудном, Покровском и Цветном бульварах, в музейном парке «Политех» и в других местах.

На большинство событий вход свободный, на некоторые продаются билеты, но за символические 250 рублей. Расписание появляется на сайте фестиваля на две недели вперед.

В КИНО

Тела и люди

Кинорелизы недели

Драма о переживании утраты в личине боди-хоррора, духоподъемный триллер про акул-убийц и еще более страшного хищника, комедийный боевик с неочевидными экшен-героями — самые занятные премьеры недели интересны не оригинальными концепциями, а важными деталями, делающими кино по-настоящему живым.

Текст: Павел Пугачев

«Саван»

Режиссер Дэвид Кроненберг

Карш (Венсан Кассель) владеет IT-стартапом, предлагающим смотреть за разложением тел их усопших близким в прямом эфире. Нужно это самому Каршу, недавно потерявшему жену (Диана Крюгер) и теряющему бизнес. Премьера «Савана» состоялась в Каннах, по соседству с «Субстанцией»: пока одни смотрят в зеркало, другие смотрят вглубь.

«Хищные твари»

Режиссер Шон Бирн

Серфершу (Хэсси Харрисон) похищает маньяк (Джай Кортни), подходящий к делу креативно: вывозит жертв в открытое море и скармливает бедолагу акулам-людоедам. Куда деваться — девушке придется спасаться. Критики наперебой хвалят и исполнителя главной роли, и сам фильм — триллер класса B, сделанный с мастерством класса A.

«Взвести курки»

Режиссер Эдвард Дрейк

Рей — киллер и примерный семьянин. И стоило только задуматься о пенсии, как полетели головы в мафиозной конторе, к которой он приписан. И выяснилось, что любимая жена, оказывается, его коллега. Главное в этом комедийном боевике эконом-класса — кастинговые решения — они такие странные, что мимо не пройти.

познавательный W

Люди, традиции, поговорки и преступления

Из чего Льюис Кэрролл создал «Алису в Стране чудес»

160 лет назад была опубликована одна из первых книг детской литературы, которая не занималась морализаторством, а рассказывала о сложном устройстве мира. Разбираемся, как Додо высмеивает политические процессы, чем отравлен Шляпник и какое деяние совершил королевский садовник.

Текст: Ульяна Волохова

1 Белый Кролик опаздывает из-за традиции. Первым жителем Страны чудес, встретившимся Алисе, стал причитающийся о своей непунктуальности Белый Кролик. Это его качество исследователи считают отсылкой Льюиса Кэрролла к традиции соблюдения в Оксфорде, где он преподавал и жил, своего собственного времени. До развития железнодорожных перевозок города Англии жили по времени, которое определялось по положению солнца. Однако к середине XIX века железнодорожные компании, чтобы облегчить составление расписаний, стали обозначать время по часовым поясам, ориентируясь на Гринвичский меридиан. Жителей Оксфорда условность этого метода не устраивала — когда в Лондоне был полдень, в их городе, по точным измерениям, было без пяти минут двенадцать. Поэтому в городе решили начинать лекции, церковные службы и общественные мероприятия на пять минут позже, чем указано по лондонскому времени. Эта привычка держать в запасе пять минут, конечно, мешала жителям Оксфорда за пределами города соблюдать пунктуальность. Белый Кролик, по всей видимости, тоже стал ее жертвой и не рассчитал, что время в Оксфорде не совпадает с временем в Стране чудес.

2 Додо пародирует политические процессы. Обращаясь ко всем промокшим в море слез, он предлагает «Принять резолюцию о немедленном роспуске собрания с целью принятия самых экстренных мер для скорейшего...», а когда его просят говорить проще, сообщает: «Нужно устроить Бег по кругу. Тогда мы вмиг высохнем!» Возможно, в этой сцене Льюис Кэрролл зашифровал насмешку над бесконечными съездами сторонников и членов разных партий. Слово «собрание» в оригинальном тексте выглядит как *saucis* («кокус») — им обозначали партийные съезды, а предложенный Додо Бег по кругу отсылал к безрезультатности таких мероприятий. Затем Додо забирает у Алисы цукаты и гордо награждает ими всех участников забега, а саму Алису премирует ее же наперстком. Некоторые исследователи считают, что этой сценой Льюис Кэрролл мог обнажить абсурдность ситуации, когда правительство сначала собирает налоги с населения, а потом с полученных денег одаривает население, зарабатывая себе политические очки.

3 Герцогиня пришла с картины эпохи Возрождения. Льюис Кэрролл описывал Герцогиню как уродливую и быстро меняющуюся в настроении женщину. Первый иллюстратор его книги художник Джон Тенниел нарисовал ее очень похожей на героиню картины фламандского художника Квентина Массейса, известной как «Уродливая герцогиня» (1513). Этот портрет пожилой женщины с дисгармоничными и деформированными чертами лица считается одним из первых примеров карикатуры в изобразительном искусстве.

4 Чеширские коты действительно улыбаются. Самый узнаваемый образ из «Алисы в Стране чудес» — улыбающийся и умеющий растворяться в воздухе кот Герцогини. Поговорка «Улыбается как чеширский кот» была известна в графстве Чешир, уроженцем которого был Льюис Кэрролл, как минимум с XVIII века. Впервые в письменном источнике она была зафиксирована в «Классическом словаре простонародного языка» (1788) Фрэнсиса Гроуза, где ей была дана аннотация: «Так говорят о человеке, который во время смеха оголяет десна и зубы». В XIX веке поговорку продолжали использовать, и она даже проникла в художественную литературу — как чеширский кот улыбается одна из героинь романа Уильяма Теккерея «Ньюкомы» (1855). Откуда этот образ взялся в народном языке,

установить, конечно, невозможно, но есть версия, что похожими на улыбающихся котов делали головки знаменитого чеширского сыра. Кроме того, барельефы с улыбающимися котами часто украшали интерьеры средневековых церквей — особенно их много в Чешире, но встречаются они и за его пределами. Так, например, один кот с выдающейся широкой улыбкой украшает церковь Святого Петра в деревне Крофт-он-Тис в Северном Йоркшире. Когда Льюису Кэрроллу было 11 лет, его отца назначили настоятелем этой церкви, и он перевез семью из Чешира в Йоркшир.

5 Шляпник безумен из-за вредного производства. Убежав из дома Герцогини, Алиса оказалась на Безумном чаепитии, каждый участник которого вел себя странно. Источник сложного ментального состояния Шляпника — у него нарушена память и мышление, он фрагментарно воспринимает действительность — кроется в его профессии. Для того чтобы превратить пух животных в фетр для шляп, его обрабатывали парами ртути. Этот процесс приводил к хроническому отравлению токсичным веществом, которое вызывает разные психоневрологические симптомы, включающие в том числе и те, что можно наблюдать у Шляпника из «Алисы в Стране чудес». Проблема была так распространена, что в Англии существовала поговорка «Безумен как шляпник». Мартовский Заяц тоже безумен по народной поговорке. Считалось, что весной, во время периода спаривания, зайцы начинают вести себя странно и агрессивно, поэтому про дебоширов и скандалистов часто говорили: «Безумен как мартовский заяц». Однако иллюстрации Джона Тенниела показывают его скорее глупым персонажем — на это указывает кучка соломы на его голове, так в театре и на карикатурах обычно отмечали глупцов и деревенских дурачков.

6 Соня — питомец викторианских семей. Еще один участник чаепития, маленький

грызун из семейства соневых, почти все время дремлет и просыпается лишь для того, чтобы высказать очередную абсурдную мысль. В Англии XIX века сонь часто заводили для детей, так как они неприхотливы в содержании, отличаются спокойным характером и почти полгода проводят в спячке. Когда Алиса покидает чаепитие, она видит, что Шляпник и Заяц пытаются засунуть Соню в чайник. Эта деталь тоже из викторианского быта: уходящим в спячку соням делали гнезда из соломы в больших заварочных чайниках — они хорошо вентилировались, сохраняя при этом тепло.

7 Ошибка Семерки вдохновлена настоящим преступлением. При входе в королевский сад Алиса встречает садовников Пятерку и Семерку и слышит их ссору, в которой Пятерка напоминает Семерке, что королева велела отрубить ему голову за то, что он отнес кухарке вместо лука луковицу тюльпана. Похожий сюжет можно найти в той же книге «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы». В главе, посвященной тюльпаномании, Маккей рассказывал о моряке, захватившем в конторе купца, к которому заходил сообщить, что его товар прибыл в порт, луковицу. Моряк планировал посыпать ей копченую селедку, которую как раз собирался съесть. Однако луковица оказалась не от лука, а от очень редкого и дорого сорта тюльпана, и, пока моряк разделялся с рыбой, купец поднял на ноги весь порт в поисках вора. Когда он все-таки был обнаружен, тюльпановая луковица уже была съедена. Оплатить ее стоимость — приблизительно 8,5 млн рублей на современные деньги — моряк не смог и был посажен в тюрьму за воровство. W

1 Джон Тенниел. Раскрашенный вручную пробный оттиск «Чеширский Кот на дереве над Алисой» для книги «Алиса» для малышей», около 1889

2 Джон Тенниел. Иллюстрация «Белый Кролик» к книге Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес», 1890